

SARAH LARK

*Eine Hoffnung
am Ende der Welt*

Roman

САРА ЛАРК

*На край света
за мечтой*

Роман

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)
Л25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Lark S. Eine Hoffnung am Ende der Welt : Roman / Sarah Lark. —
Köln : Bastei Lübbe, 2015. — 416 S.

Перевод с немецкого *Михаила Зимы*

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*
Художник *Тина Дреер*

ISBN 978-617-12-1319-7 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3651-1 (Россия)
ISBN 978-3-7857-2543-6 (нем.)

- © Bastei Lübbe AG, Köln, 2015
- © DepositPhotos.com / GoodOlga, zagorodnaya, stahov, Iurii, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"», г. Белгород, 2016

Предательство

ТЕГЕРАН, ПЕРСИЯ¹
БОМБЕЙ, ИНДИЯ
ПАИЯЧУА, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ
(СЕВЕРНЫЙ ОСТРОВ)

Июль 1944 — Январь 1945

Глава 1

Лагерь беженцев вблизи Тегерана, Персия

— Где Люцина?

Адам жил с родителями в западной части барака. Сейчас запыхавшийся парень, сдерживая дыхание, стоял перед Хеленой. Он торопился.

— Понятия не имею, — неохотно оторвала взгляд от вышивки Хелена.

До этого момента она сидела, наслаждаясь солнцем, и радовалась, что удалось выбраться из тесных стен барака. В последние дни постоянно дождило — жители не могли и носа высунуть на улицу. Сестра Хелены жаловалась, ведь из-за лагерного распорядка у нее не было

¹ В 1935 году Персию переименовали в Иран. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

возможности навестить своего друга Каспара, живущего в мужском бараке. Люцина поссорилась с девушкой, соседкой по койке, из-за женщины, которая занимала кровать напротив и постоянно разговаривала сама с собой. Хелена обрадовалась, когда утром Люцину наконец снова забрали работать на полевую кухню. И вот теперь Адам нарушил ее покой. Кажется, опять кто-то недоволен ее сестрой.

— А разве она не на кухне? — смиренно спросила Хелена.

— Ей нужно было к врачу, — отрицательно покачав головой, объяснил парень. — Так, по крайней мере, она сказала поварихе.

При лагере имелся небольшой госпиталь.

— Она собиралась вернуться к полудню. Но до сих пор не объявилась, а я должен вместе с ней привезти и раздать еду. Я же не могу делать это один, да и Люцину не хочу подставлять. Значит, если она сейчас не у врача, то...

Адам, тощий пятнадцатилетний блондинчик с прыщавым лицом, нервно переминался с ноги на ногу.

Хелена вздохнула. Вот всегда так. Никто не хотел доставлять неприятности Люцине. Молодая девушка постоянно находила кого-нибудь, кто покрывал ее самовольные уходы и брал вину на себя.

— Она не записывалась к врачу, — ответила Хелена, начав складывать вышивку.

Фартук, пошитый ею на швейной машинке во время уроков кройки и шитья, вышел не очень хорошо. Он уже испачкался: девушка, ошибаясь, раз за разом накалывала пальцы. Таланта к рукоделию у нее было мало.

— По крайней мере, она ничего мне об этом не говорила. Держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы ей

попало. Давай так, я отнесу вышивку и приду тебе помогать.

Хелена встала, вошла в барак, окинула взглядом полумрак помещения, где так мало окон. Здесь нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о вещи жильцов, выставленные в тесные проходы между койками. Бараки ужасно перенаселены. Узкие нары стояли так тесно, что, укладываясь в постель, можно было задеть соседа.

Хелена недосыпала почти каждую ночь: Люцина спала беспокойно. Ее сестру, как и многих польских беженцев, нашедших пристанище в Персии после пребывания в Сибири¹, мучили кошмары. Люди наконец-то оказались в безопасности, но воспоминания о прошлом преследовали их. Пока русские не вошли в страну, до подписания рокового пакта Сталиным и Гитлером, поляки жили как добропорядочные граждане. Однако диктатор приказал депортировать большую часть поляков из Восточной Польши в сибирские трудовые лагеря, он хотел окончательно «обрусить» их.

В июне 1941 года Германия нарушила пакт о ненападении, в соответствии с которым была осуществлена аннексия Восточной Польши. Чтобы дать отпор Гитлеру, Сталину пришлось искать общий язык с союзниками. Те настояли на возобновлении Сталиным дипломатических отношений с правительством Польши в изгнании².

¹ Имеются в виду поляки, ставшие воинами польской армии Андерса, которая была эвакуирована из СССР в Иран. Эвакуацию армии Андерса закончили 1 сентября 1942 года. В общей сложности в ходе эвакуации из СССР выехало 37 756 гражданских лиц и 75 491 военнослужащий.

² Правительство Республики Польша, действовавшее после эвакуации из страны в сентябре 1939 года ее верховного руководства во время немецкой оккупации. (Прим. ред.)

Благодаря этим переговорам поляков в Сибири амнистировали. Хелена и Люцина были свободны!¹ Вместе с новой польской армией, сформированной из депортированных, сестрам удалось добраться до Персии. Страна пребывала под протекторатом союзников, которые предоставили полякам статус беженцев. Никто в азиатском государстве не посягал на жизнь Хелены и Люцины, но девушек все еще не отпускала боль страданий, пережитая в предыдущие годы.

Хелена в конце концов добралась до перегородки, за которой они жили с сестрой. Она сдвинула в сторону импровизированную занавеску из одеяла. Ею они отгородили крошечное личное пространство в большом спальном бараке. Девушка бросила вышивку на койку, а потом вместе с Адамом поспешила к полевой кухне.

Солнце уже высоко стояло над покрытыми снегом горами, была середина дня, и повара успели приготовить еду. Беженцы ожидали с нетерпением. Здесь, в Персии, поляков обеспечили ежедневным полноценным трехразовым питанием, но им это все еще казалось маленьким чудом. В Сибири их держали впроголодь несколько лет подряд.

Полевая кухня располагалась в сотне метров от жилых барачных корпусов, где поселили этих людей. Адам и Хелена дошли туда по широкой мощеной дороге. Лагерь для беженцев изначально планировался как казармы для персидских ВВС — центральные кирпичные здания выглядели намного надежнее и солиднее, чем бараки. Они были обнесены обычной каменной стеной, выкрашен-

¹ По договору Сикорского — Сталина от 30 августа 1941 года депортированным полякам была объявлена амнистия, выданы справки об освобождении, однако поляки остались в местах пребывания.

ной в желтый цвет, а не безобразным забором с колючей проволокой, который быстро возвели вокруг убежищ. Но четыре постройки и не смогли бы вместить такой поток беженцев.

Сначала людей поселили в палатках. После перевели в длинные бараки, построенные в спешке. Теперь в казармах никто не жил, остались лишь госпиталь, школа и мастерские.

Армия предоставила беженцам две полевых кухни и большую палатку.

Сейчас, жарким персидским летом, помощникам нравилось работать на свежем воздухе. Они охотно сидели перед палаткой на солнце либо в тени под навесом, чистя картофель или мелко нарезая овощи для рагу. После нескольких лет сибирских холодов люди наслаждались каждым солнечным лучом. Было бы еще лучше, если бы тут росли хоть пара деревьев, а возможно, и цветы на клумбах.

Здесь никто и не думал украшать лагерь. Глаз радовал лишь далекий хребет Эльбурс¹: бараки располагались как раз у подножия гор.

— А где же маленькая Люцина? — язвительно бросил один из помощников, когда Адам появился вместе с Хеленой и приступил к раздаче еды. Им и остальным разносчикам пищи из других бараков двое мужчин нагружали на тачки тяжелые котлы с макаронами и тушенкой. — Сейчас разве не ее смена?

Хелена оцепенела.

— Моей сестре нужно было к врачу, — ответила она, поджав тонкие губы.

¹ Эльбурс — горная система на севере Ирана, у южного побережья Каспийского моря.

Второй помощник расхохотался.

— К какому еще врачу? — подшучивал он. — Я недавно видел ее с Каспаром за сараем. Может, она перепутала госпиталь с ремонтной мастерской?

Восемнадцатилетний Каспар сегодня ожидал грузовики, которые должны были доставить в лагерь провизию и новых беженцев. Ему это очень нравилось — Люцина же просто ненавидела работу на кухне. Она ходила сюда не очень-то и добровольно: трудилась больше по настоянию старшей сестры. Теперь же Люцина прогуливала, воспользовавшись малейшей возможностью. Она по-прежнему считала, что шестнадцатилетние должны работать, лишь когда больше не хотят ходить в школу. Люцине было неинтересно учиться на портниху. А вот Хелена пошла на это скрепя сердце. Люцина не хотела улучшать ни свой английский, ни французский или же учить персидский¹. Казалось, она просто ничего не желала делать, только бродить и наслаждаться этим мнимым раем, куда неожиданно попала.

Хелена осмотрелась по сторонам, прежде чем впрячься в тачку, которую тащил Адам. Сама она не считала лагерь для беженцев раем, несмотря на то что это было лучшее место со времен их депортации из Польши. Она меньше любовалась манящими, покрытыми снегом вершинами гор, зелеными холмами и финиковыми рощами и все больше глядела на мрачные бараки и улицы лагеря, по которым бродили печальные, оторванные от родины люди. И хотя Хелене нравились походы в город Тегеран, находящийся всего в четырех километрах от их поселения, девушка чувствовала себя чужой в бурлящей метрополии. Хаос на улицах, крики шоферов, грузовики,

¹ Он же фарси.

повозки, запряженные ослами и волами, пугали ее, а торговля на базарах, громкая музыка, вопли муэдзинов на верхушках мечетей и люди в шароварах, длинных одеждах, странных головных уборах вселяли в Хелену неуверенность. Девушка могла восхищаться роскошным дворцом шаха, но, в отличие от Люцины, не теряла голову от элегантных лавчонок в западной части города, от шелковых платьев и изысканного макияжа прогуливающих там женщин. Хелена стыдилась своей простой хлопчатобумажной одежды, когда шла по великолепным улицам. Беженцам дали новые вещи, после того как провели дезинсекцию в пересыльном лагере портового города Пехлеви¹. Свитера, платья и пальто большинству беженцев не очень подходили по размеру или были слишком теплыми для персидского лета. В сравнении с женщинами из Тегерана Хелена чувствовала себя гадким утенком, в то время как Люцина и в обносках выглядела будто принцесса. Ее сестра даже в таком возрасте была красоткой и прекрасно осознавала это. Люцину не покидала уверенность, что когда-нибудь весь мир будет лежать у ее ног. Ничего в ней больше не напоминало о том маленьком хнычущем существе, вцепившемся в Хелену, когда их семью из просторной квартиры во Львове выволакивали русские солдаты, которые били отца и ругали мать.

Хелена до сих пор не понимала, почему Сталин так жестоко выгнал их из Восточной Польши, после того как договорился с Гитлером о разделе страны. До этого поляки мирно уживались с украинцами и белорусами, составлявшими в этой части Польши национальное большинство. Отец Хелены, зубной врач, лечил всех, а их

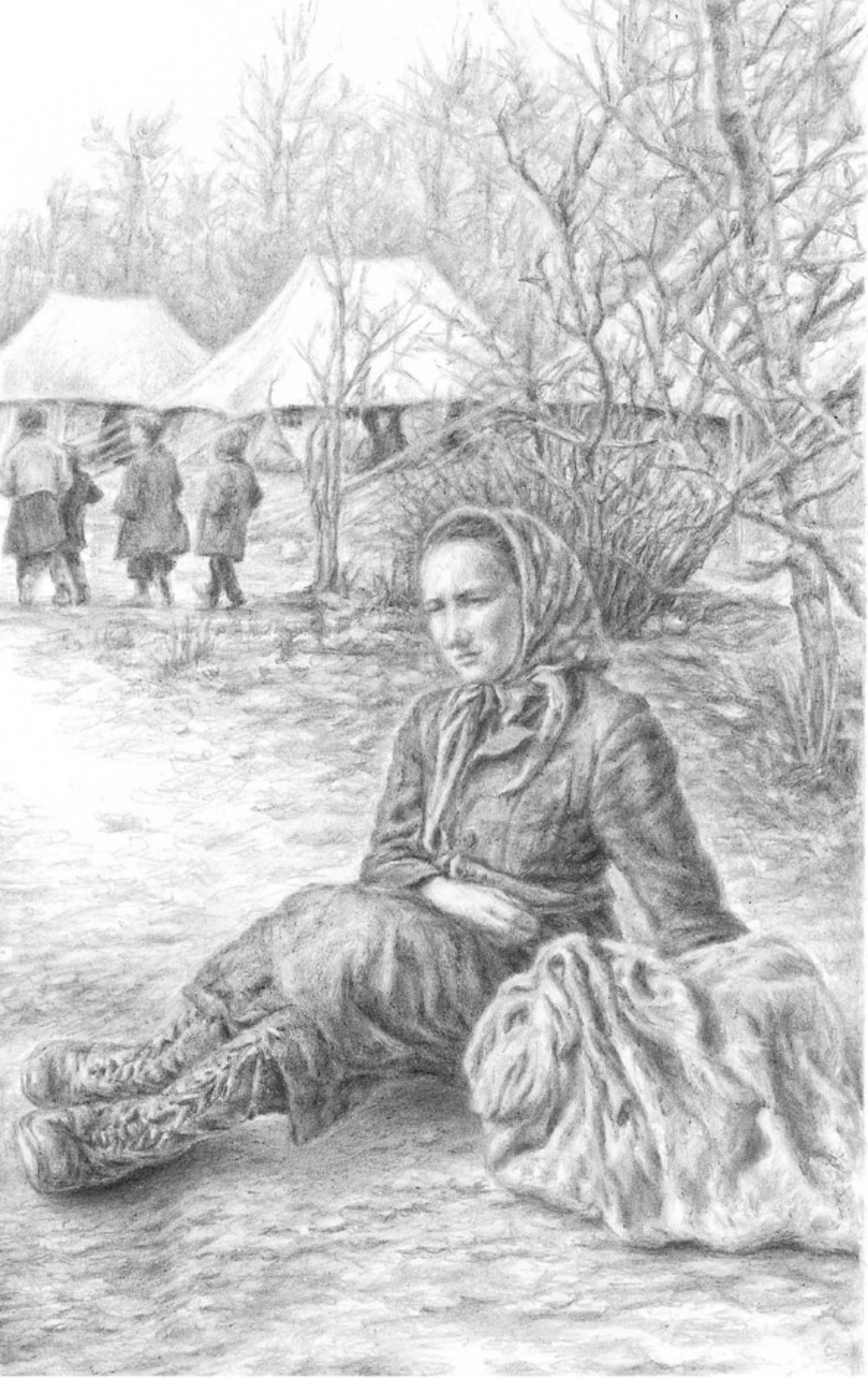
¹ До 1980 года, сейчас Бендер-Энзели.

мать учила украинских и русских детей английскому и французскому языкам. Но русские объявили сотни тысяч польских граждан классовыми врагами и врагами народа. Поляки и сами не поняли, как их удалось выселить из домов, погрузить в вагоны для скота и вывезти на север.

Последующие два года семья провела в сибирской Воркуте. Хелене тогда исполнилось всего четырнадцать, но и ей приходилось вкалывать вместе с родителями на лесоповале или же на шахте. Люцину они кое-как содержали на своем скудном пайке. Сибирь вспоминалась Хелене настоящим ледяным адом: температура порой опускалась до -50°C . Ночью члены семьи прижимались друг к другу, чтобы согреться. Им приходилось бороться с холодом, паразитами и голодом. Отец Хелены спустя полгода в результате несчастного случая погиб на шахте. Их мать продолжала цепляться за жизнь. Несмотря на то что женщина едва могла держать в руках топор и пилу, задыхалась от кашля и была измучена горячкой, она все равно шла на лесоповал. Но за несколько месяцев до освобождения мама девочек тоже умерла.

Хелена хорошо помнила, как мать, лежа на узких нарах, обнимала их с Люциной, чтобы согреть. Люцина вымоталась и в какой-то момент заснула, а Хелена обнимала маму, прислушиваясь к ее тяжелому дыханию и наконец к последним словам: «Присматривай за Люциной, Хелена! Теперь тебе придется заботиться о сестре. Пообещай мне, что не оставишь ее одну... Люцина заслуживает большего, она должна выжить... мое маленькое солнышко, мой свет...»

Хелена пообещала, подавив в душе старую боль. Снова речь шла только о Люцине, лучике света, восхити-

тельном светловолосом ангелочке с лазурно-яркими глазами, любимице всей семьи. Хелена не могла упрекнуть родителей в том, что они пренебрежительно относились к ней самой. Наоборот, Мария и Янек Грабовски неизменно много внимания уделяли обеим дочерям. Они всегда удовлетворяли тягу Хелены к литературе и языкам, а также интерес Люцины к музыке и танцам. Хелена вспоминала о тех часах, когда они с матерью учили английский и французский или когда читали с отцом любимые книги. Но девушка помнила, как сияло от радости лицо папы, если в комнату неожиданно врывается непоседа Люцина, чтобы рассказать какую-нибудь историю или что-то показать. Она видела гордость матери, когда Люцина впервые играла в музыкальной школе: к своим десяти годам та стала неплохой пианисткой. Все поздравляли семью Грабовски с красивой и одаренной дочерью, а Хелена в это время оставалась в тени.

Родителей никто никогда не поздравлял с тем, что у них есть Хелена.

Красота ее не бросается в глаза, хотя девушка очень привлекательна. Прямые каштановые волосы Хелены Грабовски распадаются на пряди, если их не мыть каждый день, лицо у нее симметричное, большие, довольно печальные, широко посаженные глаза синевато-фарфорового цвета. Зато, в отличие от младшей сестры, которая на всех производила впечатление, Хелена была смелой и находчивой.

После смерти матери она бросила все силы на то, чтобы сдержать обещание. Урывая еще больше от своего невероятно скудного пайка, девушка тяжело работала, стараясь прокормить сестру. Если бы их не освободили, Хелена тоже наверняка погибла бы. Персия стала для них спасением. Люцина по-прежнему с восторгом гово-

рила о пересыльном лагере, расположенном на пляже в Пехлеви. Наконец-то еды было вдоволь, дети играли в теплом песке и могли поплавать в Каспийском море.

Воспоминания же Хелены были не такими безмятежными. Она горевала о последних вещах их родителей, сожженных на пляже во время карантинных мероприятий. Там были фотографии, письма — безвозвратно утраченные воспоминания. Хелена, всхлипывая, наблюдала, как ветер разносит по пляжу пепел. Люцине Персия, наверное, казалась раем. Для Хелены же эта страна была продолжением кошмара, который начался с момента их изгнания из Львова.

Вот и сейчас Хелена толкала перед собой тачку, напрягая все силы. Девушка и теперь была все еще слишком худой, слабой и пыталась не думать о будущем. О том, что, наверное, война скоро закончится. Вероятно, тогда они смогут вернуться в Польшу и вести прежнюю жизнь.

Перед бараком, в основном терпеливо и безучастно, стояли в ожидании еды жители. Взрослые беженцы выглядели изможденными и старыми, хотя большинство из них было среднего возраста. Кто попал в Сибирь молодым, кто не имел семьи, тот не пережил заключение. Много народу по приезду в Персию заболело, еще тысячи умерли в госпиталях Пехлеви и Тегерана, как ни старались сохранить им жизнь персидские, индийские и английские врачи. Хелена говорила себе, что должна благодарить небо за спасение свое и сестры, но ей не хватало подобающего смирения. Девушка не могла поверить в то, что Бог действительно к ним милостив. В конце концов, почему он допустил их депортацию?

Адам начал раздавать еду, а Хелена старалась ободрить добрым словом каждого, кому насыпала в тарелку

или алюминиевую миску макароны с тушенкой. В самом конце очереди стояла и Люцина. Она улыбнулась старшей сестре неотразимой улыбкой, подставляя миску.

— Это та-а-ак мило, что ты меня выручила!

У Люцины был высокий нежный голос. Хелена скривилась.

— Я сделала это не ради тебя, а для людей, которым пришлось сидеть без обеда! — с упреком ответила она. — Где ты была, Люцина? Неужели у врача? Все это вранье и отлынивание... Вскоре мое терпение лопнет! Ты никогда не думала о том, что сказали бы на это наши родители? Ты же знаешь, какими ответственными людьми были мама и папа. Им стало бы стыдно за твое поведение!

Люцина пожала плечами, и даже этот жест был грациозен. Она собрала на затылке выющиеся локонами волосы. Старое, поношенное платье выглядело вполне прилично. Люцина немного перешивала вещи, и те сразу становились лучше. Под муслиновой тканью проглядывали женственные формы. Хелена с завистью заметила, что теперь у младшей сестры грудь больше, чем у нее, а ведь ей самой уже было почти девятнадцать.

— Мама и папа умерли, — вызывающе ответила сестра. — Им больше не придется испытывать стыд из-за меня. А если бы они сейчас еще были живы, то наверняка занимались бы чем-нибудь другим.

Хелена серьезно кивнула.

— Ага, несомненно! Наш отец работал бы в лагере зубным врачом, а мать — учительницей. Они уж точно не шатались бы без дела и...

— Не наслаждались бы жизнью? — упрямо спросила Люцина. — Да что в этом плохого? Мы достаточно работали и голодали до сегодняшнего дня. Так почему не жить просто так каждую минуту?

— И что потом? — поинтересовалась Хелена. — Мы не будем вечно в этом лагере, тебе сюда не станут привозить еду даром. Затем...

— Затем мы, возможно, все умрем! — заносчиво бросила Люцина, сама схватила разливную ложку, насыпала еду себе в тарелку и развернулась, чтобы уйти. — Война все еще идет, и кто знает, чем она закончится. Солдаты поговаривают, американцы создают какое-то оружие, которое может испепелить весь мир. И немцы делают то же самое. Если они его успеют закончить... Бах!

Пренебрежительно махнув рукой, Люцина взяла миску и ушла. Может, снова в сторону мастерских или к бараку Каспара, чтобы пообедать вместе с молодым человеком. Хелена печально посмотрела ей вслед. Старшей сестре нечего было противопоставить словам младшей. Подобные убеждения в лагере исповедовала не только Люцина. Почти никто из беженцев не строил планов на будущее.

Глава 2

Хелена и Адам, раздав всем обед, снова отвезли тачку с котлом на кухню. Там они еще помогли мыть посуду и убирать. Люцина, в обязанности которой это входило, больше не появлялась.

— Она капризничает, — констатировал Адам, когда Хелена пожаловалась ему. — Обычно возвращается во второй половине дня, если прогуливает первую смену. Хотя бы из-за дополнительного пайка.

Персоналу кухни положено было есть только тогда, когда обед заканчивался. Повара и помощники обедали в палатке все вместе. Им всегда перепало что-нибудь вкусненькое. В этот день на десерт были фрукты.